

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МУЗЕОЛОГИИ

УДК 316.75:008

Е. А. Маковецкий

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ*

Можно ли говорить о том, что концепция культурного наследия сформировалась? Пожалуй, нет, поскольку одной из важных функциональных характеристик любой концепции является возможность с ее помощью объяснять ряд разрозненных или даже противоречащих друг другу явлений. Судя по тому, что в интерпретациях фактов, предпринимаемых с точки зрения культурного наследия, попеременно (причем во всех возможных сочетаниях) доминируют политические, юридические, экономические, культурологические и педагогические составляющие этой концепции; судя, кроме того, по тому, что отдельные элементы концепции входят друг с другом в противоречие, – мы не можем утверждать, что концепция культурного наследия уже сформировалась.

Кроме того, не только в науке, но и в обществе в целом существует убедительный консенсус, свидетельствующий о наличии некоего базового, интуитивного понимания феномена культурного наследия. Сегодня в словосочетании «культурное наследие» на интуитивном уровне усматривается нечто безусловно ценное, нечто лежащее в основе национального, культурного и личностного идентификационных механизмов. Под культурным наследием понимаются некие совокупные богатства прошлого, полностью или частично сохранившиеся до наших дней, распорядиться которыми мы можем, лишь отнесясь к этим богатствам как к традиции, предназначенной для передачи будущим поколениям. Иными словами, культурное наследие оказывается таким свидетельством прошлого, необходимость которого для будущего осознается нами в качестве непреложной. Не удивительно, что таким образом понимаемое культурное наследие и становится мощнейшим механизмом идентификации современного человека. Кроме того, культурное наследие, бесспорно, обладает еще и огромным экономическим потенциалом. Наконец, также очевидно, что идеологический потенциал культурного наследия может быть эффективно использован, и отнюдь не всегда для достижения благовидных целей.

В еще незавершенном генезисе концепции культурного наследия можно проследить действие трех механизмов, взаимодополнение которых и придает рассматриваемой концепции все ее своеобразие, во многом объясняет ее противоречивость. Перечислим эти три механизма (в той последовательности, в какой они начинали принимать участие в судьбе нашей культуры).

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 14-18-00192, СПбГУ, а также в рамках проекта РГНФ № 13-03-00151.

Во-первых, очевидной является логика возникновения идеи культурного наследия из наследственного права. Понятие «наследство» в Римском праве охватывает имущество, передаваемое от предков потомкам. Уже в Древнем и Новом Риме закрепилось привычное нам представление о наследстве, были сформированы юридические механизмы передачи наследства, определены отношения между наследниками и т. д.

Однако в XVIII в. наряду с пониманием наследства в качестве механизма родовой идентификации формируется взгляд на наследство как на способ политической, гражданской, исторической идентификации. Новые реалии Новой Европы – формирование новых сословий и упадок старых, появление национального сознания, секуляризация и проч. – потребовали и иных механизмов идентификации личности. Еще в XVII в. Г. В. Лейбниц интерпретировал культуру в качестве движущей силы и цели прогресса¹, а уже через столетие в ходе Французской революции становится очевидным, что культура является одним из важнейших оснований кардинально трансформировавшегося общества. Отныне возникает социальная необходимость через пересмотр наследственных прав по-новому взглянуть на прошлое, предъявить иные виды на будущее. В результате столкновения вроде бы только имущественных интересов рождается представление о *культурном* наследии, как источнике преимущественно духовного развития.

Во-вторых, вполне оправданным является предположение, что современная концепция культурного наследия генетически восходит еще и к идее наследия, как она была выражена Апостолом Павлом². Если первый механизм позволяет нам вскрыть историческую траекторию генезиса концепции культурного наследия, то анализ второго, религиозного, механизма позволяет по-новому оценить аксиологическую значимость феномена культурного наследия. Как наследие Божие – печать бытия на возрожденном человеке, точно так же «культурное наследие» – возможно, единственный способ сохранения бытия человеком современным. Потеря культурного наследия, разумеется, не так катастрофична, как того, о котором говорит Апостол Павел, тем не менее, грозящие в случае пренебрежения культурным прошлым потеря исторической идентичности и утрата всех шансов на будущее – тоже вполне достаточные поводы для беспокойства.

Наконец, *в-третьих*, в генезисе концепции культурного наследия легко усматривается и действие идеологического механизма. Не случайно, само понятие «культурное наследие» появляется в недрах эпохи Просвещения, дает свои первые плоды в эпоху великих европейских революций: от Великой Французской до Великой Октябрьской.

Есть две причины, позволяющие утверждать, что между феноменом идеологии и концепцией культурного наследия существует генетическая связь:

Первая из них – историческая, состоит она в следующем. К рубежу XVIII–XIX вв. относится начало все более и более устойчивого употребления словосочетания «культурное наследие» в смысле, близком к современному. Начиная с этого времени, концепция культурного наследия, постепенно развиваясь, приходит к тому состоянию, которое в самой (на сегодняшний день) универсальной форме представлено в Конвенциях ЮНЕСКО

¹ Лейбниц Г.-В. О глубинном происхождении вещей // Он же. Сочинения в четырех томах. М., 1982. Т. 1. С. 289.

² Кратко о христианском понимании наследия можно сказать следующее. Христиане наследуют Царствие Божие (1Кор. 15:50), спасение (Евр. 1:14). Однако, «получение наследства», во-первых, требует от христиан невероятных, почти невозможных усилий (Евр. 10:36; Евр. 12:4), а во-вторых и в главных, для этого необходима еще и добровольная жертва Бога (Евр. 9: 15-17).

СКО 1972 и 2003 гг.³ Ключевым событием, как признают исследователи, определившим необходимость начала образования концепции культурного наследия, стала Французская революция⁴. Французская революция стала в европейской истории ключевым событием и во многих других, не менее важных, отношениях. В эту эпоху, в частности, было оформлено разрушение традиционной замкнутой сословной системы, осеяемой авторитетом Церкви. Секуляризация общества, развитие и реализация идей Просвещения, политическое развитие идеи частной собственности и другие процессы происходят практически одновременно, поддерживая друг друга, и дают в качестве суммарного результата существенно иное политическое устройство мира. Идентификация и организация этого мира, ввиду разрушения иерархических конструкций, становятся возможными только в плане идеологии. На протяжении двух веков после революции формируются и становятся частью повседневности две сильнейшие идеологические конструкции, до сих пор определяющие политический облик мира: буржуазно-демократическая и коммунистическая. Каждая из этих идеологий является развитием одного из лозунгов Французской революции: так, буржуазно-демократическая идеология использует идеал свободы, коммунистическая – равенства, даже, справедливости⁵. Можно констатировать, что с XIX в. мир живет во все более и более сгущающейся идеологической атмосфере⁶. Поэтому следует понимать, что любая идеология не может не обращаться к «культурному наследию» как к одной из своих важнейших идеологем. Обе конкурирующие идеологии, имея общий источник, вполне продуктивно используют и развивают концепцию культурного наследия, оставляя на ней свои явственные следы.

Второй повод, заставляющий нас обращать внимание на идеологический генезис концепции культурного наследия, – *чисто ситуационный*. Действительно, обратим внимание на ту ситуацию, в которой в настоящее время происходит теоретическое развитие и практическое применение идеи культурного наследия. В обстоятельствах, когда значимость культурного наследия бесспорна, заслуживает удивления простой факт: современ-

³ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (1972) и Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия (2003).

⁴ См: Key Concepts of Museology. Ed. by André Desvallées and François Mairesse. Paris, 2010. URL: http://icom.museum/fileadmin/user_upload/pdf/Key_Concepts_of_Museology/Museologie_Anglais_BD.pdf (ссылка последний раз проверялась 06.10.2013).

⁵ Возраст критики идеологии почти соответствует возрасту самих идеологий. Поэтому к настоящему времени мы имеем развернутые и вполне завершенные критические проекты относительно обеих идеологий. Так критики либерально-демократической идеологии доказывают, что она является идеологией мнимой свободы, поскольку человек, соблазнившись свободой, получает ее противоположность – пожизненное закабаление работой. А критики коммунистической идеологии настаивают, что это тоже не идеология справедливости, поскольку в отсутствии природного равенства между людьми приведение всех к общему знаменателю как раз-таки является верхом несправедливости. Добавим, что обе ценности – справедливости и свободы – являются давними идеалами нашей культуры. Так, справедливость (и пути ее достижения) является главной темой платоновского «Государства», а идея свободы, понимаемой как свобода от смерти, свобода для вечной жизни становится постоянным предметом рассуждений в христианском богословии. Иначе говоря, идеалы справедливости и свободы вовсе не обязательно должны лежать в основании соответствующих идеологических конструкций: наша современность просто на свой лад истолковывает традиционные ценности.

⁶ Рассуждением на тему хорошо это или плохо, что мир стал идеологическим, философы посвятили много сил, об этом писали, в частности, К. Маркс, П. Слотердаjk, С. Жижек и др. См: *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Они же. Сочинения. Издание второе М., 1955. Т. 3. С. 7-544; *Слотердаjk П.* Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001; *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М., 1999.

ная стратегия сохранения культурного наследия почти исключительно (по крайней мере, на публичном уровне) осуществляется в виде *борьбы* за культурное наследие. Мы ведем борьбу за культурное наследие по всем возможным фронтам: с прошлым, улучшая его, с будущим, навязывая ему свои ценности, в настоящем же мы воюем друг с другом, обвиняя друг друга в недостаточной бережности, компетентности, бескорыстности и т. д.⁷

На наш взгляд, сама эта ситуация является идеологической в самом точном смысле этого слова. Как определяется идеология в рамках критического проекта, начиная с Карла Маркса, трудов франкфуртских социальных философов и заканчивая новейшими исследованиями современных обществоведов? – ««идеологической» является социальная действительность, само существование которой предполагает *незнание* со стороны субъектов этой действительности, незнание, которое является сущностным для этой действительности»⁸ – пишет Славой Жижек. В нашем случае забвение неумолимости времени, непризнание факта тщетности любых человеческих усилий, направленных на завоевание вечности «здесь и сейчас», как раз и является тем самым «слепым пятном», на исчезновение которого так надеялись критики идеологии.

Если ввиду двух названных обстоятельств мы хотя бы гипотетически соглашаемся считать культурное наследие идеологической конструкцией, то стоит обратить внимание и на обстоятельства ее функционирования. Иначе говоря, каким образом функционирует культурное наследие на идеологическом уровне? Среди возможного множества идеологем, составляющих существо идеологической сферы культурного наследия, остановимся на трех, на наш взгляд, основных: идеологема блеска, идеологема вклада, идеологема подлинности⁹.

Что в разговоре о культурном наследии мы вспомним скорее: венецианские красоты или способ обработки глины, применяемый гончарами из деревни Алеховщина Ленинградской области? Несмотря на то, что ни один здравомыслящий человек не усомнится в важности любого элемента культурного наследия, но, очевидно, об Алеховщине мало кто вспомнит. Привычным атрибутом культурного наследия, его «входным билетом» в мир публичности стал своеобразный *блеск* тех вещей, которые мы стремимся защищать вроде бы по зову совести. Нас в культурном наследии заботят, в первую очередь, вещи блестящие и славные, или, на худой конец, такие, которые могут заблестеть от нашего усердия. Объекты, лишённые потенциального блеска, отдаются идеологией культурного наследия на откуп энтузиастов-одиночек. Есть ли в этом некая правда об идеологии культурного наследия?

Не потому ли публика так привязана к вещам «блестящим», что сейчас, как и тысячи лет назад, самым ценным для нас оказывается добыча, трофеи? Те объекты культурного наследия, которые сияют наиболее интенсивным блеском, являются *добычей*, это не обязательно военные трофеи (хотя и они тоже), добычей может стать и измененное до неузнаваемости прошлое страны, и жестко регламентированное будущее. Но если добыча спо-

⁷ Ср.: «Совершенно неясно, что же вкладывают заинтересованные стороны, столь не схожие во взглядах на мир, часто просто полярных, в представление о культурном наследии, о болевых точках и проблемах его сохранения?». Цит. по: Дриккер А. С. Между наследством и наследием // Рубежи памяти: судьбы культурного наследия в Армении и России. СПб., 2014. С. 188.

⁸ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. С. 28.

⁹ Более подробный обзор идеологем культурного наследия см. в нашей статье: Маковецкий Е. А. Подражание идеологии: парадоксы культурного наследия // Вопросы культурологии. 2012. № 3. С. 54-59.

собна испускать блеск и тешить тщеславие триумфаторов, то она же может становиться непосильной *обузой* для их потомков. Груз чужой славы неимоверно тяжел, даже, если это родительская слава. Уже дети триумфаторов нуждаются в конвертации родительской добычи в нечто более приемлемое, например, в экономическую выгоду. Даже если завоевания совершаются ради добычи, то какой бы ни была прибыль от военного похода, она является всего лишь довеском к славе победителя, добыча сияет отраженным светом этой славы. Но эта слава победителей умирает вместе с ними, потомкам же остается только добыча, подлежащая немедленной конвертации, иначе она неминуемо окажется обузой. В этом, к сожалению, состоит одна из неизбежных траекторий судьбы культурного наследия: оно превращается из добычи в наследие только в руках потомков и в этих руках оно становится либо товаром, либо обузой. Нынешняя судьба культурного наследия европейских стран – это, к счастью, товар.

И хотя такой статус гарантирует наследию лучшую сохранность во времени, однако, внутренняя, так сказать, сохранность старины этим отнюдь не гарантируется. Сама идеология культурного наследия подразумевает универсализацию прошлого. Но прошлое – сугубо индивидуально. Что произойдет, если с помощью какого-то идеологического фокуса вместо конкретных историй конкретных людей им будет подставлена некая общая история (не общинная или семейная, а общенациональная или даже общечеловеческая)? Сохранится ли у каждого из этих людей единство личности? Более того, задача, в общем-то, любой идеологии – произвести эту подмену: я не должен помнить себя, я должен помнить «нас», свое поколение, свою пионерскую или скаутскую организацию, свой класс, тогда я не могу настаивать ни на чем своем, у меня ничего своего больше нет, поскольку я лишен своей памяти¹⁰.

Ту же самую роль, какую политическая идеология играет в жизни личности, идеология культурного наследия играет в жизни национального государства: у государства больше нет собственной истории, но есть «вклад» в общемировую сокровищницу. Государство лишается своей истории, а идеология культурного наследия выступает в данном случае простейшим и эффективнейшим средством глобализации. Иначе говоря, идеология культурного наследия поддерживает культуру глобализации, осуществляя операцию по замещению индивидуальной памяти универсальной. И эта операция проходит настолько успешно, что даже при «обратной индивидуализации» русские, например, имеют дело уже не со своим наследием, а с той частью общемирового культурного наследия, которое маркируется как «русское» и представляет собой причудливые букеты из Андрея Рублева, Достоевского, водки, матрешек и космических кораблей в разнообразных сочетаниях. Каждая из национальных культур, любая человеческая память, однажды внеся свою лепту в глобальное культурное наследие, отныне вынуждена довольствоваться руинами своего прошлого.

В самой же сердцевине логики сохранения культурного наследия находится аксиома подлинности: подлинные вещи несут в себе некое историческое послание, и утрата их означает разрыв связи времен. Понятно, поэтому, что сохранять старину необходимо во

¹⁰ О неизбежной утрате живой памяти в результате индустриализации, глобализации, идеологизации общества и других подобных процессов убедительно пишет Пьер Нора. В целом, тема памяти и забвения становится чрезвычайно актуальной для французской философской мысли конца XX в. См., напр.: *Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память.* СПб., 1999. С. 17-50; *Рикер П. Память, история, забвение.* М., 2004.

что бы то ни стало, но точно ли так незыблема презумпция подлинности? Вспомним, что в аксиоматичности подлинности по отношению к произведениям нового искусства позволил себе усомниться уже Вальтер Беньямин¹¹.

Немного отвлечемся. Магистральный путь нашей культуры располагается между пропастями иконоборческого отречения от мира и фетишистского погружения в пучину чувственности. Может быть, музей и играет в современной культуре столь важную роль, что именно сейчас в его тихих залах в очередной раз вершатся судьбы культуры. Это настоящее сражение двух не только музейных, а общекультурных мировоззрений. Сражение это проходит под следующими знаменами: откажемся ли мы от подлинности в музее, превратив музей в развлекательный комплекс, или превратим подлинность в музейный фетиш, сделав наши музеи храмами мизантропии – но в том и в другом случае мы свернем с царского пути культуры.

Вероятность того и другого исхода возможна, хотя вроде бы понятно, что воздействие на душу оказывают не подлинные вещи, а подлинные чувства. Конечно, эти чувства привязаны к вещам, но схема «подлинного» переживания возникает всегда в личном опыте, в моей истории, а никак не в музее. Музей же в своем фетишистском воплощении просто приватизирует идею подлинности, играет на ней, эксплуатирует ее, заставляя посетителя думать, что все подлинное – в музее. Но все подлинное – в человеке, в его отношении к другому человеку. Конечно, я об этом забываю, и хорошо, что есть музей, который напоминает мне о подлинности. Нет ничего плохого и в том, что музеи используют идею подлинности в качестве своего основания, наоборот – это прекрасно, потому что музей предстает в этом свете в качестве культурного механизма, гарантирующего поддержку и индивидуальной подлинности. Однако, если подлинность становится тем, на чем играют, за счет чего получают финансовую или политическую прибыль, то она превращается из нормальной характеристики личности в идеологему¹².

¹¹ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Он же. Избранные эссе. М., 1996. С. 15-65.

¹² Несмотря на всю важность для музея исследования феномена подлинности, современная музеология, к сожалению, не достаточно полно использует успешный опыт исследований, предпринимаемых в этом направлении философами и культурологами. В частности, на основе анализа ряда художественных произведений (Н. В. Гоголь «Мертвые души», «Шинель»; Ю. Олеша «Лиомпа», Р.-М. Рильке «Огюст Роден», «Истории о Господе Боге» и пр.), изучения истории и исследовательских принципов *реалогии*, анализа собственно философских концепций был сделан ряд интересных замечаний, которые могли бы оказаться чрезвычайно полезными для музеологических анализов феномена подлинности. Из существующей на этот счет литературы особенно отметим: Бодриар Ж. Система вещей. М., 1995; Делез Ж. Симулякр и античная философия. Платон и симулякр // Он же. Логика смысла. М.; Екатеринбург, 1998. С. 329-346; Топоров В. Н. Апология Плюшкина: Вещь в антропоцентрической перспективе // Он же. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 7-111; Хайдеггер М. Вещь // Историко-философский ежегодник. М., 1989. С. 269-284; Эйзенштейн С. О строении вещей // Он же. Избр. пр. в 6-ти т. М., 1964. Т. 3. С. 37-71; Эшттейн М.: 1) Реалогия – наука о вещах // Декоративное искусство СССР. 1985. № 6. С. 21-22; 2) Вещь и слово. К проекту «лирического музея» или «мемориала вещей» // Вещь в искусстве. Материалы научной конференции. М., 1986. С. 302-324. Отметим, что в последние годы появился ряд и собственно музеологических исследований, в которых феномены подлинности, музея, культурного наследия подвергаются в том числе и философскому анализу. См., напр.: Худякова Л. А. Музей между утопией и *ichronie*: Б. Делош о сущности музейной институции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2013. № 4. С. 145-152; Климов Л. А. Музей в сохранении и презентации нематериального культурного наследия: дис. ... канд. культурологии. СПб., 2012.

Этот предварительный анализ идеологических коннотаций концепции культурного наследия отнюдь не имел своей целью дискредитацию одной из самых продуктивных концепций современной культуры. И вот почему. Во-первых, даже если мы расцениваем идеологию как абсолютное зло, то присутствие в концепции культурного наследия двух других, никак не менее могущественных механизмов, – правового и религиозного – почти полностью снимает «очерняющее» воздействие идеологического механизма.

Во-вторых, идеология может быть злом и обманом только в том случае, когда ее носители не отдают себе отчет в том, что в их мировоззрении присутствует пресловутое «слепое пятно». Напротив, когда музейный работник отдает себе отчет в идеологических коннотациях, например, идеи подлинности, то идеологема подлинности в его просвещенных руках становится весьма эффективным инструментом воспитания. Правда, для того, чтобы воспользоваться этим новым могуществом музейщика, кроме бесконечного множества своих ежедневных обязанностей, придется освоить еще и профессию критика идеологии.

Информация о статье

Автор: Маковецкий Евгений Анатольевич – д-р филос. наук, доцент, Россия, Санкт-Петербургский государственный университет, evmak@yandex.ru

Заглавие: Идеологические аспекты концепции культурного наследия.

Абстракт: Основное внимание в статье уделяется действию идеологического механизма в генезисе концепции культурного наследия. Идеология, наряду с двумя другими механизмами – правовым и религиозным – не только участвует в формировании представления о культурном наследии, но накладывает явственный отпечаток на способ отношения к культурному наследию. Идеологическая сфера концепции культурного наследия описывается посредством следующих идеологем: «блеск», «вклад», «подлинность».

Ключевые слова: Культурное наследие, идеология, критика идеологии, подлинность, память.

Information on article

Author: Makovetsky Evgeny Anatolyevich – Doctor of Science in Philosophy, Associate Professor, Russia, Saint Petersburg State University, evmak@yandex.ru

Title: Ideological aspects of the concept of cultural heritage.

Abstract: The investigation of ideological mechanism in genesis of the concept of cultural heritage is main goal of the article. The ideology, along with two other mechanisms — legal and religious — not only participates in formation of idea of cultural heritage, but leaves a clear mark on a way of the relation to cultural heritage. The ideological sphere of the concept of cultural heritage is described by means of the following ideologems: “gloss”, “contribution”, “authenticity”.

Key words: Cultural heritage, ideology, criticism of ideology, authenticity, memory.